

Знойный был август. Ничего не хотелось. Сдав вступительные экзамены в ПГУ на мехмат, Костя откровенно бездельничал. Ночами смотрел разные забугорные видеофильмы, днями отсыпался. Звонили ребята, звали на пляж, но и туда было лень шевелиться. На выходные родители пытались затащить на дачу, но Костя рогом упирался: нет, не хочу, не моё это! «А что твоё?!» — кипал отец, но под осуждающим взглядом матери быстро остывал. Единственное, что без понуканий и лишних просьб заставляло его выйти из дома, это беда, случившаяся с бабушкой. Через день-два, нагрузившись фруктами и разными соками, он ехал в Институт сердца, где бабушка проходила обследование, и теперь её готовили к операции.

Две недели назад она приехала к ним в гости и, не успев обняться со всеми и сесть за стол, пошатнулась... И упала бы, не поддержи её руки отца. Вызвали «скорую». Увезли, откачали. И поместили в

лучшую в городе клинику на обследование.

И вот теперь каждый раз, когда Костя входил в палату и садился возле неё, она выговаривала ему:

— И зачем столько тратитесь! Не надо мне ничего, у меня всё есть...

— Бабушка, ты только не бойся, всё будет окей! — успокаивал Костя, уловив что-то утённое в её голосе.

— Давно уже отбоилась, Костик. Не за себя, за деда переживаю: как он там без меня? Избаловала я его, ничего ведь сам для себя не может. Одно, непутёвый, и знает: книжки свои мусолить да на гармошке наяривать. Голодный, поди?

Отец всё собирался съездить, забрать к себе на время болезни бабушки неприспособленного к одиночеству деда, да работа не пускала. Уже совсем было надумал, но срочно вызвали в Москву. Перед отбытием он за ужином попросил Костю съездить за дедом:

— Ты, Константин, вон какой лоб уже вымахал... Надеюсь, что справишься.

Мать было запротестовала, но Костя спорить не стал, деда он обожал, да и бездельничать осточертело: сколько можно?

До старинного вятского городка он доехал на фирменном поезде «Кама» быстро и без приключений. Дедушка с бабушкой жили на тихой, зелёной улочке в крепком ещё пятистенке, обшитом почерневшим тёсом. При доме, как положено, — сад, огород. Когда

Костя зашёл в дом, дед обедал на кухне. Перед ним стояла на столе кастрюля с отстывшей уже картошкой в мундире и блюдец с подсолнечным маслом. Дед снимал ножом кожуру с картофелины и о чём-то сосредоточенно думал. Костю он заметил не сразу, а увидев, вскочил, обнял:

— Приехал, значит? Ну-ну! Большой вырос? Вижу, вижу — богатырь! Давай померяемся...

У деда фишка была такая: с сыновьями сначала, а потом и с внуками — ростом меряться. Пошли в комнату, встали перед зеркалом, прижавшись спинами друг к дружке: дед оказался внуку чуть выше плеча. Но это не сколько не огорчило его, напротив, обрадовало: «Наша порода! Мой дед Тихон сто девяносто имел роста и шесть пудов восемь фунтов веса. Вот!» «Ну, попал! — испугался Костя. — Сейчас потащит во двор, заставит тягать двухпудовую гирию!» Но дед про гирию не вспомнил, повёл гостя обратно на кухню.

— Есть будешь? — показал на картошку. — Утощайся...

— Да, правду про тебя бабушка говорила...

— Лучше болеть животом от голода, чем от обжорства.

— Давай, дедуля, без крайностей, — сказал Костя и стал вынимать из сумки привезённые из дома гостинцы: палку сервелата, сыр, консервы, а также купленные на вокзале пирожки с капустой.

— Живём, брат! — одобрил дед.

Костя нарезал колбасу, сыр, открыл банку шпротов, разогрел в микроволновке пирожки. Сходил в огород за огурцами и зелёным луком. Дед выставил из холодильника початую бутылку «Пшеничной»:

— Заодно и по стопарику за встречу.

— Не, я не буду...

— Чего так? Мать с отцом не велят? Да, совсем забыл, ты же у нас спортсмен... Боксёр, кажется?..

— Не, на карате хожу... Но мне и без него пить не нравится — не моё это...

— Молодец, внучок, уважаю! А я приму. Стопарик у меня сейчас твёрдая норма стариковская, больше мозг с печенюю уже не приемлют.

Отужинав, стали собираться к завтрашнему отъезду. Да и собирать-то деду было особо без надобности, не навек ведь отправлялся: кинул в рюкзак пару белья, свитер, электробритву, да ещё толстую тетрадь, в которую записывал разные свои и чужие мысли и наблюдения, — вот и все сборы. Хотел было ещё гармонь с собой прихватить, но Костя воспротивился: «Не смейся кошек, дедушка! Ну её, таскаться ещё с ней». Дед, видно было, в душе обиделся, но спорить не стал. «Займись, — сказал Косте, — тут чем-нибудь, а я пойду пострадаю». Он взял гармонь и направился на веранду. Костя поплёлся за ним, прихватив из дедовой библиотеки толстенный, потрёпанный том с карикатурами Бидструпа.

Костя перелистывал лениво знакомые с детства страницы, дед наигрывал с переборами что-то плясовое, частушечное. Пропел даже:

*Хорошо нам жить на Каме,
Пароходы бегают.
Человек на человеке
Человека делают.*

— Уже не бегают, — заметил Костя. — Ни пароходы, ни «Ракеты» с «Метеорами».

— Жаль, конечно! Но пусть хоть человеки делаются.

Это была разминка перед «страданиями», их дед начинал с застывшим уже лицом и отрешёнными от всего мира, невидящими глазами. Он был, казалось Косте, где-то далеко-далеко, ничего в этой брэнной жизни не хотел и не о чём земном уже не думал.

Время как бы остановилось. И в этом безвременье Косте становилось печально и одиноко. И дед, словно почуяв его состояние, встряхнул головой и резко сжал меха. И после задорного проигрыша вывел чуть хрипловатым, но всё ещё красивым баритоном:

*Погулял я с девчонкой три года.
Она дочкой была кулака.
И она на всё соглашалась,
Потому что любила меня.*

Начав бодро, он всё снижал и снижал темп. И носом зашмыгал, и глазами повлажнел, когда рефреном повторил:

*На зелёном ковре мы сидели,
Целовала Наташа меня...*

Костя с детства знал от деда эту песню. Бабушка на дух не переносила её, ругала деда: «Опять про свою Наташку! Прекращай!»

Когда дед закончил, Костя спросил:

— Нигде больше эту песню не слышал, откуда она у тебя?

— У нас в батарее от одного цыгана. А потом, уже после победы, на одной станции я слышал, как пели её девочки в теплушке, возвращаясь из неволи от немцев. Вот так!

Потом они вышли в сад покурить. Вернее, курил, молча, тяжело дыша, дед, а Костя, зачарованный, вглядывался в подмигивающее ему звёздами чёрно-синее небо. Звёзд — мириады и мириады, а они с дедом одни-одинёшеньки в этом ночном мире.

Утро у деда началось с зарядки. Костю разбудил его зычный голос — дед командовал сам себе: «Ноги — на ширину плеч, руки — в разные стороны! Делай ласточку, раз-два!» «Сейчас солдатушек запоёт», — вспомнил Костя летние месяцы, проведённые в детстве в этом доме. И не ошибся: дед подал себе новую команду: «Под песню на водные процедуры шагом марш!» И тут же громыхнул на весь дом:

— Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши жёны?..

...Перекусив, собрались окончательно в дорогу: нарвали в парнике огурцов для гостинцев.

Дед набрал ещё малины туесок. Потом сбегал к соседям наказать, чтобы смотрели за домом и парник закрывали, если ночи холодной станут.

Вырядился дед в тёмно-коричневый пиджак с орденскими колодками на груди, хотел ещё фетровую шляпу на голову натянуть, но Костя отговорил: жара, дескать, да и из моды давно уже вышла; остановились на выгоревшей бейсболке с логотипом малоизвестного баскетбольного клуба.

«Ну он и даёт у меня! Крутой старик!» — подумал Костя, когда очередь в железнодорожные кассы расступилась перед дедом, а пожилая кассирша без лишних упрасиваний продала ему билеты на проходящий поезд, следующий из Москвы до Тюмени.

— Как хорошо быть ветераном! — поддел Костя деда, показывая на его орденские колодки. — Везде без очереди.

— Ничего уже хорошего. Нынешние правители отменили нам льготы — диалектика истории по Достоевскому: низкая душа, выйдя из-под гнёта, сама гнетёт. Хотя одна льгота всё же есть: меня здесь не только люди, а ещё и не одно поколение собак знает. Считай, тридцать лет в районной газете редакторствовал. Ты лучше скажи: когда на месте будем?

— Шесть часов до Перми, после обеда прибудем, — сказал Костя, изучив расписание.

— Хорошо бы! — вздохнул почему-то дед.

Плацкартный их вагон был заполнен до предела. Люди, как

обычно, ели, спали, читали, пили чай или водку, играли в карты, смеялись, переругивались...

Нашли свои, согласно купленным билетам, места на нижних полках. На них расположились друг напротив друга за столиком два солдата в парадной дембельской форме. Вернее, солдатиком можно было бы назвать только одного — чернявого и худосочного, с маленьким незначительным лицом. Другой, белобрый, краснощёкий амбал, никак не подходил под такое ласково-снихождительное слово.

— Лёха! — представился белобрый.

На столике вздрагивали в такт перестуку вагонных колёс пустые стаканы и опорожненная чекушка из-под водки.

— Выпить, мужики, присутствует? — спросил Лёха.

— В дороге не пьём, — ответил дед, освобождаясь от своего рюкзака.

— А мы пьём! — набычился Лёха. — Вот только нечего.

— Ваши проблемы, ребята, — сказал дед.

— Ладно, я на боковую, — сказал чернявый и стал взбираться на верхнюю полку.

Костя пристроил рюкзак в багажник под освободившейся полкой и, усевшись рядом с дедом, уткнулся в томик братьев Стругацких, прихваченный из его библиотеки. Лёха снял китель. Оставшись в одном тельнике, потянулся, картинно поиграл мощными бицепсами. Ему не терпелось поговорить, вышитое требовало собеседников, но Костя

с дедом, занятые каждый своим: один — чтением, другой — вечными думами уличного философа-любителя, не обращали на него внимания. Лёха не выдержал:

— Вот ты, старьё, — пробежал он взглядом по орденским колодкам. — Тот ещё, вижу, вояка, нахапал медалек... Я тоже не Ванька с Бахаревки. Служил в Кремле в президентском полку. Знаешь, какой это полк? Элита! Ельцина, вот как вас сейчас, через день видел. Здоровый бугай! Чуть ли не с меня ростом. И тоже, болтают, бухать мастак... А потом нас бросили в Грозный, чеченов умирять. Ох и кровушки пролилось! Немерено! Скажу по секрету, я один за пулемётом два часа оборону держал до подхода основных сил...

— Не свисти! — сказал дед. — Какой дурак кремлёвских под пули на смерть бросит? Похоже, ты на кухне оборону держал, вон какую ряху наел...

— За базаром следи, старьё! Я тогда уже в воздушно-десантных служил... У меня даже ранение в ногу есть, дважды контузило...

— Оно и видно. — сказал дед.

— Что! — взбеленился Лёха. — Не веришь?! И салажонок твой, вижу, не верит!

— Верим, верим, — успокоил его дед, почуввав, как напрягся Костя, словно к прыжку. — Уймись, парень, охолонись!

— Вот так, на первый раз прощаю. — сказал Лёха, застёгивая китель. — Пойду я пока лучше прогуляюсь...

Когда он удалился, дед встал посмотреть, спит ли чернявый.

Тот, запрокинув голову с разину-
тым ртом, дышал во сне глубоко,
с посвистом.

— Ну и урод этот Лёха! —
сказал Костя, отложив книгу. —
Большой на всю голову!

— Бывает хуже, но реже.

— Куда еще хуже?

— Ох, Костик, Костик, жизни
ты ещё не видал! Время сейчас
подлое. И не таким, как он, мозги
отшибает...

— А этому и отшибать-то нече-
го. Знай, дедуля, я его вырублю,
если что... Пусть только попыту-
ет награды твои тронуть — уложу,
как учили!

— Не смей! Драк тут нам ещё
не хватало!

— А сам-то ты зачем его заво-
дишь?

— Так получилось, не люблю
брехунов. Заврался он совсем: то
полк президентский, то десантура.

— Ты же сам меня учил: не
отвечай глупому на глупость его,
чтобы и тебе не сделаться подоб-
ным ему.

— Жизнь, брат, сложнее Со-
ломоновых притчей.

Дед зевнул, прилёг на бочок,
закрыв глаза, наказал:

— Подремлю чуток. А ты, па-
рень, помни, что я велел: не пори
горячку. Не обижайся, но жидко-
ват ты пока ещё против него, ка-
бана невыложенного... Хотя если
с другой стороны взглянуть, сла-
бак он, поскольку хам. И запомни
внук: слабые люди — самые же-
стокие...

Костя снова взял книгу, но
чтение не шло в голову. Дед по-
храпывал, ему даже не помешало

поездное радио, включившее,
словно с перепугу, гопстопный ор
Розенбаума. За ним последовала
Алёна Апина с Ксюшей — юбоч-
кой из плюша. Затем прокурен-
ный женский голос пригласил
уважаемых господ пассажиров в
вагоне-ресторане отобедать. Вот
перед ним-то дед не смог устоять.
Встрепенулся:

— Есть хочется, пойдём, вну-
чок, заморим червячка.

— А денег у тебя на ресторан
хватит?

— Обижаешь, брат, а гробовые
на что? Ладно, шучу... Пошли. И
рюкзак захвати, а то уведут тут.

Из приоткрытой двери ресто-
рана слух им резанул взвинчен-
ный Лёхин голос:

— А ты, полкан, рожу-то не
вороти, не вороти! Слушай сюда,
говорю!

Они вошли. За первым же сто-
ликом напротив Лёхи склонился
над тарелкой армейский пол-
ковник в очках и при обширной
лысине. Лёха восседал в одном
тельнике, китель был брошен на
соседний стул.

— И чего ты мне грозишь?! —
наседал он на полковника. — Ис-
пугал Настю большой снастью...
Мне, может, сам Борис Николае-
вич через день руку жал, а кто ты
такой? Вошь тыловая — вот кто!
Таракан! Пока ты портянки со
склада тырил, я в Чечне мешка-
ми кровь проливал. Вот смотри!
— Лёха рванул тельник, обнажив
заросшую рыжим волосом грудь.
— Любуйся, полкан, на мои бое-
вые шрамы!

— Всему есть предел! — вско-
чил полковник и засеменял к вы-
ходу, не доев свой бифштекс, тут
же оказавшийся в Лёхиной тарел-
ке.

— Беги, беги, считай портянки,
придурь плешивая! — хохотнул
Лёха.

Последовала немая сцена. Пер-
вой не выдержала официантка, не
первой молодости блондинистая
толстушка:

— И это наша армия?! — вздох-
нула она. — О времена, о нравы!
Защитнички, прости Господи!

— Чего лепечешь? Шибко гра-
мотная?! — подскочил к ней Лёха.
— А ну-ка налей сотку воину!

— Не запрягал, понукать...

— Чё сказала?

— Платить, говорю, кто будет?
Министр обороны?

— Коза ты драная! Не трожь
Пашу Грачёва! Мы с ним злых
чечен под пулями усмиряли, а вы
тут с чернотой кавказской вовсю
трахались! Наливай, кому сказал!

Лёха схватил своей лапицей
официантку за плечо. Она завиз-
жала.

— Не тронь её! — крикнул дед.

— И ты здесь, старый? — обер-
нулся к нему Лёха. — Давай, ор-
деносец ты наш, опрокинем по
соточке и вспомним, как в сорок
пятом вместе Берлин брали...

Костя рванулся к нему. Лёха
отпустил официантку и принял
стойку:

— Вперёд, салага, кинься, пор-
ви рубаху!

— Костик! Не надо! — крикнул
дед.

— Да, да, не надо, пацан, отой-
ди, — отодвинул его подошедший
от крайнего столика средних лет
мужик. Ничем вроде бы не при-
мечательный. Ни ростом, ни ста-
тью, ни одежкой... Вот только гла-
за... Взглянул на Костю, и у того
пропало всякое желание спорить.

— Выйдем, потолкуем, баклан,
— сказал он съехавшему с кату-
шек Лёхе.

— Давно кровью не харкал,
дохлятик? Пошли. И куда только
бежать станешь?!

...Они всё не возвращались.
Дед заказал солянку, биточки. По
громкой связи объявили какую-то
мелкую станцию, и только когда
через пять минут поезд снова трю-
нулся, в ресторан вошёл мужик
тот, поглаживая левой рукой пра-
вое плечо. Один. Без Лёхи.

— А где друг наш? — спросил
дед, когда он проходил мимо их
столика.

— Спать к себе отправился. Вы
не волнуйтесь, кушайте себе.

— Да кто ты такой будешь, мил
человек? — спросила официантка.

— Зачем знать больше, чем
здоровье позволяет, красавица?
— улыбнулся незнакомец и, рас-
платившись, тотчас покинул ва-
гон-ресторан.

Дед подозвал официантку, за-
казал сто граммов коньяка.

— От стресса, наркомовские,
— сказал он Косте.

Потом ещё пятьдесят граммов
попросил.

— Дедушка, хватит! — взмо-
лился Костя. — Норму ты уже

свою стариковскую перевыполнил... Пойдём. Тебе поспать бы.

— Мы стары для других, для себя у нас нет возраста, — заупрямился дед, но всё же одумался. — Погоди чуток, попьём чайку и двинемся с Богом.

Объявили станцию Верещагино.

— Вот теперь и пойдём, — сказал дед и, прихватив рюкзак, потянул внука за собой к выходу. В первом же тамбуре, дождавшись, когда проводница откроет дверь и сбросит ступеньки, он неловко, задом, спустился, кряхтя, на перрон.

— Ты куда, дедушка?

— За мной, не отставай!

Дед трусцой устремился к зданию вокзала. Костя в три прыжка нагнал его и, ухватив за костлявые стариковские плечи, повернул к себе:

— Что с тобой, дедуля? От поезда отстанем... Давай обратно!

— Ну и пусть отстанем, не беда... То, куда нужно, не всегда бывает тем, что надо.

— Как это? Поезд вот-вот тронется! Побежали!

— Не могу, Константин. Дело у меня тут одно важное. Всей жизни, надо сказать, дело! Оно и тебя касается, как продолжателя рода...

— Да ты пьян, дедушка!

— Что ты? Ни в одном глазу...

— А чего губы облизываешь? Бабушка по ним и узнавала, когда выпьешь... Она сама говорила.

— Бабские сказки, не верь. Пойдём лучше присядем, я тебе

и обскажу, что к чему, вместе и обсудим диспозицию.

Поезд тронулся. Со стороны хорошо были видны на вагонах проплешины от облупившейся краски. Костя проводил убывающий поезд потерянным взглядом. Дед тронул его за плечо:

— Не горюй, на электричке уедем — тут всего ничего до Перми вашей осталось, часа два с половиной от силы.

— Вокзал для двоих! — сказал Костя.

— Ты это о чём?

— Да так, ничего... Кино такое есть с твоей любимой Гурченко в главной роли.

Они нашли тут же на перроне свободную, давно не крашенную скамейку возле обшарпанной стены вокзала. К ним по щербатому асфальту сразу же поспешила стайка голубей. «Гули, гули вы мои сизокрылые! Кушайте, милье!» — дед достал из кармана пиджака хлебную корку и раскрошил её птицам.

— Теперь, может, расскажешь? — напомнил ему Костя.

— История давняя, — начал тот, — наша деревня родовая неподалёку отсюда, вёрст за полсотни. У нас в семье все мы были гармонистами. Особо ловким слыл в игре старший наш брат Роман. Его ни одна свадьба, ни одни посиделки не обходили. И гармонь-то у него была не простая, а настоящая — «русская». Она у Романа на всю округу славилась, скольким покупателям он от ворот поворот дал!

— А у тебя, дедушка, что ли, не русская? Разве ещё какие-то другие гармошки бывают?

— Бывают. Их полно разновидностей. У меня — «хромка». Вполне справная, голосистая, но до «ливенки», так ещё «русскую гармонь» кличут, ей далеко. Их в городе Ливны мастерили поштучно, о них ещё Лесков, Бунин, Паустовский с восхищением и любовью писали...

— И в чём особенность? Где фишка?

— Не знаю, поймёшь ли. У «ливенки» различное звучание при раздвижении и сжатии мехов. То есть при сжимах и разжимах исходит звук разной высоты. Играть на ней не сразу и не каждый способен. У Романа здорово получалось. И я бы, думаю, освоил, кабы не фашистская нечисть, будь она проклята!

Дед закашлялся, полез в карман за сигаретами. Костик напомнил ему, что норму свою, три сигареты в день, он уже выполнил. На что дед заметил, что когда выпьет, то норму обычно перевыполняет, но спорить с внуком не стал — не в том сейчас положении.

— Так вот, — продолжил дед. — Роман погиб в сорок первом, отец, прадедушка твой, пропал без вести в сорок втором году. Меня тоже призвали, но Бог миловал, а мама наша слегла после похоронки и больше не встала, оставив на сиротство мал мала меньше. Старшей Шуре — пятнадцать. К ней и зачастил Тимоха из соседней деревни: продай, мол,

Романову гармонь. Шура всё отказывала, а когда совсем стало нечего, променяла на полмешка ржаной муки. Нет, я её не виною... Это Тимоха, гад такой, от фронта откосил, нашей бедой, сиротством нашим воспользовался!

— Когда это было! Чего ты сейчас о нём вспомнил?

— Всегда помнил. Но вот этот Лёха-солдат — вылитый Тимоха: такой же краснорожий, те же глазки без ресниц, те же щёчки хомячьи.

— И что теперь?

— Я узнавал, он уже сорок лет последние в Верещагино проживает. Тоже, говорили, гармонист известный. Я и фамилию его узнал, и отчество, и что работал он где-то по заготовкам. А диспозиция моя такая. Город небольшой, отыщем Тимоху, потребуем «ливенку» обратно. Не даром, конечно. Я ему мешок, нет, два мешка муки привезу. Даже не ржаной, если хочет, пшеничной... Или за деньги. А откажет — силой заберём.

— Это без меня, я что, похож на гопника?

— Не дёргайся ты! Перегнул я малость. Миром решим... Только миром, по справедливости, по правде. Правда превыше всего! Вот сейчас найду, потерпи минуточку...

Дед развязал рюкзак, достал свою тетрадь в коленкором переплёте и, нацепив очки, нашёл нужную страницу.

— Слушай, что Василий Васильевич Розанов, мыслитель, умнейший, поэтической души

русский человек, пишет: «Правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и бог начинался бы не с правды — он не бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда». Всё понял? Так ты со мной или как?

— С тобой, конечно, я за тебя перед отцом в ответе. А всё же рискованно как-то, не по себе мне...

— Не дрейфь, брат! Кто не рискует, тот пьёт водку на чужих поминках. Усёк?

...Битый час они бродили по улицам. Заходили в магазины, в кафе и даже в парикмахерскую. Никто Тимофея не знал и ничего о таком не слышал.

— Плохо, что выходной, — сказал дед, обливаясь потом. — А то бы в редакцию райгазеты наведались, там всё всегда знают.

— А может, в милицию?

— Не, там нас за бандитов ещё сочтут.

— Тебя за пахана, меня за шныря?..

— Не шути так, Костик, слова имеют свойство материализовываться.

...И всё же им повезло. В районном Дворце культуры пожилая вахтёрша вспомнила Тимоху. Назвала и улицу, и дом, самый заметный в округе: крыша из красной черепицы, столбы оградные из кирпича сложены. По приметам этим жилище Тимохино отыскали легко. Возле ворот примостились два «Жигулёнка» и мотоцикл с коляской. Зашли в распахнутую калитку. Во дворе курили понурые мужики, все в тёмных рубахах.

— Тимофей Степанович здесь проживает? — спросил учтиво дед, поздоровавшись.

— Проживал, — ответил молодой, весь в веснушках мужик, — теперь на кладбище его хата.

— Только что схоронили, — пояснил небритый старик со свисающими, как запорожские усы, седыми бровями. — Если вы на поминки, то проходите в избу, бабы там, кажись, на стол уже кончили собирать.

— Примите наши соболезнования, но мы по делу, он как гармонист нам был нужен.

— Хватились! Вы што, не тутошние? Тимофей ведь Степанович тыщу лет уж не играет. Как воткнули врачи в живот трубку для испускания мочи, так и забросил. Как при ней играть-то?

— А гармонь хоть жива? Мы бы купили! — не унимался дед.

— Какой там? Лёха, внук его дикий, три года как по пьяни расколотил.

Дед с Костей переглянулись. Заметив перегляд, молодой двинулся на них:

— У людей горе, а вы тут непонятно зачем! Валите отсель по добру-здорову!

— И правда, что это мы? Извините! — пробормотал дед, — Ещё раз соболезнуем... Прощайте, люди добрые!

...Они, опустошённые, шли к вокзалу по пышущей теплом от разогретого асфальта улице. С западной стороны нарастал перестук вагонных колёс. Солнце в обратном направлении сползло с зенита, но припекало по-прежнему.

Шли молча: им или нечего было сказать друг другу, или просто боялись пустых и ненужных слов. Рядышком уже с привокальной площадью первым не вытерпел дед:

— И зачем я это всё затеял? Неудобно, нелепо получилось.

— Ладно, дедушка, проехали. Отпусти от себя...

— Сказано же: предоставь мёртвым хоронить своих мёртвых...

Костя ничего не понял из этих его слов. Голос деда был непривычно глух:

— Осталось нам ещё дойти здесь до храма и поставить свечку за упокой души раба Божьего Тимофея...

Договорить он не успел, его остановил дикий хохот, поднявшийся к небу голубиную стаю. На обшарпанной скамейке они увидели Лёху-дембеля, вернее, жалкое его подобие: тельник изорван, на оголённом плече кровь, правый глаз заплыл... Резко оборвав хохот, он допил из горлышка пиво, встал, пошатнувшись, заговорил сам с собой:

— Опять, блин, они? Никуда даже в родном городе от плисней этих не деться!..

Постоял чуток, как бы раздумывая, откуда и к чему всё это на его голову. Затем собрался, резким ударом отбил о край урны доньшко пивной бутылки и двинулся навстречу недавним своим попутчикам, держа бутылку в правой руке розочкой вперёд.

Убежать время было утеряно. Да и как бежать с измотанным сегодняшними приключениями семидесятивосьмилетним стариком на пару? Костя шагнул к Лёхе.

— Урою! — прорычал тот, и глаза его сделались стеклянными, как у обкуренного.

— Нет, не надо! — кинулся наперерез дед и повис у Лёхи на руке. Тот легко его сбросил. Костя, крутанувшись на левой ноге, правой врезал с разворота прямо злодею в лоб. Лёха, словно болванчик, рухнул на асфальт, вновь вспугнув скопившихся вблизи голубей.

Дед, прижав руки к груди, лежал, скрючившись, на боку. «Как больно!» — выдавил он со стоном. Костя опустился перед ним на колени.

— Смирение слабого — бес, смирение сильного — ангел! — чётко, выделяя каждое слово, произнёс дед и с виноватой, как показалось Косте, улыбкой закончил. — Времена, брат, не выбирают, в них живут и умирают...

— Дедуля, не умирай! — закричал Костя.

К ним стали подбегать принарядившиеся по случаю выходного дня люди.

— Скорую! Вызовите скорую! — кричал Костя.

Дед, устремив в небо безмятежный уже почему-то взгляд, прошептал:

— Летите, голуби, летите!..

— Дедушка! — вознёсся в высь пронзительный мальчишеский голос и затерялся где-то в небесах.